

Р. ЛИНТОН

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ*

Еще в глубокой древности люди поняли, что разные общества живут по-разному. Первый же человек, попавший в чужое стойбище, обнаружил, что не может ни говорить с чужаками, ни понимать увиденное, то есть осознал факт культурного своеобразия. И если ему посчастливилось вернуться домой живым, его наблюдения легли в основу долгих разговоров у костра. Большинству людей нравятся истории о необычном поведении чужестранцев. Им интересно узнавать не столько о далеких землях, сколько об удивительных людях. Истории о чужих обычаях служат излюбленной темой наших бесед, и им внимают со смешанным чувством самодовольства и тайной зависти, которое составляет прелесть разговоров в узком кругу. Величайший из всех говорунов, Геродот, значительную часть своей «Истории» посвящает тому, что мы сегодня назвали бы описанием культуры. Ему даже удается выявить ряд наиболее заметных отличий в обычаях греков и египтян, он непритворно удивляется, что, выполняя экскреторные (выделительные) функции, варвары прячутся в доме, вместо того чтобы, подобно цивилизованным грекам, выходить на улицу.

Подобную разрозненную информацию сообщали все писатели, как древние, так и современные, и их усилиями скопилось множество данных, которыми все еще пользуются современные исследователи общества и культуры. Однако до недавнего времени к этим фактам относились почти так же, как коллекционер-любитель к предметам индейского быта. Обычаи неевропейских стран считались курьезами, которыми можно поразить неосведомленных: чем эксцентричнее, причудливее они были, тем большую гордость испытывал их открыватель. В то время исследователи рассматривали обычаи собственного общества как нечто самоочевидное; еще 50 лет назад описание моделей европейской культуры, коль скоро оно не относилось к изолированному сельскому сообществу, вы-

---

* Опубликовано в журнале «Личность. Культура. Общество» (2000. Т. 2. Вып. 4). Перевод выполнен по изданию: *Linton R. The Concept of Culture // The Cultural Background of Personality*. NY-L.; D.Appleton-century co., 1945. P. 27-55. Перевод данной главы впервые опубликован в сборнике «Человек и социокультурная среда». Вып. II. (М., 1992).

глядело в этнографическом труде совершенно неуместным, как кухонный нож в кабинете, увешанном наконечниками стрел.

Периоды охоты за курьезами характерны для начальной стадии большинства наук и, вероятно, играют важную роль в их развитии. На этой стадии общечеловеческая страсть к собиранию новостей превращается в полезную цель сбора и хранения материала, который впоследствии станет предметом научного исследования. В этих этнографических наблюдениях современного ученого нередко раздражают невольные упущения, но ему следует вспомнить старую поговорку — «лучше полбуханки, чем ничего», и успокоиться.

Переход от коллекционирования курьезов к научному исследованию человеческого поведения был вызван важным изменением во взглядах исследователей. Во-первых, они осознали, что для понимания человеческой жизни вообще сходство обычаев важнее культурных различий. То, что во всех обществах присутствует та или иная семейная организация, в общем плане гораздо важнее того, что у тибетских женщин низшего класса обычно бывает несколько мужей. Первое дает ключ к нуждам и возможностям человечества в целом, тогда как второе представляет собой частную проблему, которую можно понять, исходя из местных условий и истории. Решение такой проблемы не способствует ответу на вопрос о поведении других членов общества.

Во-вторых, несколько позже ученые поняли, что многие проблемы нельзя решить без изучения образа жизни определенного общества в целом. Хотя мы способны кое-что узнать о человеческом поведении, сравнивая формы конкретных институтов, скажем, семьи в различных обществах, все остальное можно понять только с помощью наблюдения за тем, как семья действует в данном обществе и какими отношениями она связана с другими институтами. Такой подход особенно необходим в том случае, когда мы пытаемся понять поведение отдельных людей. Хотя каждый из них реагирует на ситуации определенным образом, его личность формируется под влиянием образа жизни общества в целом. Таким образом, при исследовании личности понятие «культуры» приобретает первостепенное значение как для психолога, так и для социолога и антрополога. Оно может стать одним из самых действенных средств в арсенале психолога, однако его эффективному использованию должно предшествовать ясное понимание его смысла и границ.

Термин «культура», как он употребляется в научных исследованиях, не включает в себе никакой оценки, свойственной обыденному употреблению. Он относится к образу жизни любого общества в целом, а не только к тем областям, которые общество считает высшими или желательными.

Итак, применительно к нашему образу жизни культура не имеет никакого отношения к игре на фортепиано или чтению Браунинга. Для того, кто изучает общество, подобная деятельность — лишь один из элементов нашей культуры в целом. В эту целостность входят такие прозаические занятия, как мытье посуды или вождение автомобиля, и в исследовании культуры они стоят рядом с «утонченными вещами». Отсюда понятно, что для ученого не может быть некультурных обществ или даже некультурных людей. У каждого общества есть своя культура, какой бы примитивной она ни была, и каждый человек культурен в том смысле, что участвует в той или иной культуре.

Работа исследователя должна начинаться с изучения культур, то есть характерных для каждого общества образов жизни. В его понимании термин «культура» — это обобщение, основанное на наблюдении и сравнении ряда культур. Этот термин относится к отдельным культурам точно так же, как в биологии термин «паукообразная обезьяна» — к множеству отдельных паукообразных обезьян, входящий в данный вид. Когда антрополог утверждает, что культуре присущи такие-то и такие-то свойства, он подразумевает, что они характерны для всех культур. Именно культуры представляют организованные функциональные единицы, а человека следует изучать в связи с определенной культурой, а не культурой вообще.

Хотя термин «культура» уже давно используется для обозначения образа жизни конкретного общества, некоторые аспекты его значения остаются расплывчатыми. Подобно множеству других понятий общественных наук, понятие «культура» со временем конкретизировалось. Этот процесс отвечал потребностям новых, быстро развивающихся наук, и при отсутствии истины в последней инстанции был единственно плодотворным путем разрешения споров. С появлением нового термина ученые, работающие в данной области, стремились употреблять его в одинаковом значении, но с некоторыми вариациями в его трактовке. Со временем общие элементы значения становятся общепринятыми, а индивидуальные отбрасываются. В итоге возникает четко очерченное понятие, выраженное одним термином, значение которого понятно всем, работающим в данной области. Но даже при достижении такого согласия используемый термин может иметь несколько различных дефиниций. В сущности, любая дефиниция выделяет определенные аспекты общего понятия, обозначаемого термином, и подчеркивает их в ущерб другим аспектам. Предпочтение тех или иных аспектов и последующая пригодность этого определения зависят от того, какую цель преследовал автор дефиниции. Существует множество возможных определений культуры, каждое из которых служит целям соответствующего направления в исследо-

вании. Так, определение культуры как «социальной наследственности членов общества» верно, однако почти бесполезно для понимания того, как формируется личность.

На основе общего употребления и понимания, а также в интересах тех, кто изучает личность, осмелюсь предложить следующее определение: *«Культура — это конфигурация усвоенного поведения и его результатов, составные элементы которой разделяются и передаются членами данного общества»*. Подобно всем определениям, оно нуждается в некоторых пояснениях и уточнениях. Термин «конфигурация» подразумевает, что различные проявления поведения и его результаты, составляющие культуру, образуют структурное целое. Это свойство культуры связано с рядом проблем, которые мы здесь не будем рассматривать. Выражение «усвоенное поведение» ограничивает сферу деятельности, которая должна рассматриваться как часть любой культурной конфигурации, — деятельностью, формы которой определяются процессом обучения. Это ограничение существует давно. Инстинктивное поведение, основные потребности и напряженность, являющиеся источником конечной мотивации индивида, никогда не считались составными частями культуры, несмотря на явное воздействие на нее. Исключение этих феноменов из понятия культуры оставляет в ее пределах достаточно широкую область. Как уже отмечалось, у человека, вероятно, очень мало безусловных рефлексов, не связанных с биологическими процессами. Хотя его поведение мотивируется потребностями, тем не менее, формы, которые оно принимает, обычно обусловлены опытом. Например, когда человек ест, он удовлетворяет личную потребность в пище, но как он ест, зависит от того, как его научили. В предложенном нами определении термин «поведение» следует понимать в самом широком смысле, включая любую деятельность индивида — явную или скрытую, физическую или психологическую. Согласно нашему определению, обучение, мышление следует считать такими же формами поведения, как и мышечные движения, участвующие в технологических процессах.

Слова «результаты поведения» относятся к явлениям двух совершенно разных порядков — психологическому и материальному. Первый включает те результаты поведения, которые представлены психологическими состояниями индивида. Под эту рубрику попадут знания, взгляды и системы ценностей. Возможно, классификация этих явлений как результатов поведения покажется кому-то натянутой, однако они, несомненно, возникают в результате взаимодействия индивида с окружением и последующего обучения. В то же время их нельзя классифицировать как поведение, усвоенное в процессе обучения, ибо им недостает динамики,

которую подразумевает этот термин. Подобно реалиям окружающей среды, они оказывают целенаправленное воздействие на развитие моделей поведения. Так, сталкиваясь с новой ситуацией, индивид реагирует не только исходя из объективной реальности, но и в зависимости от усвоенных в прошлом ценностей, взглядов и знаний. Туземец, впервые встретив белого человека, может воздать ему почести как богу, принять его как почетного гостя или напасть на него, его линия поведения целиком зависит от вышеуказанных факторов.

Включение материальных результатов поведения в сферу явлений, относящихся к понятию культуры, возможно, вызовет возражение некоторых социологов, но оно не противоречит антропологической традиции, столь же древней, как и само понятие «культуры». В антропологии предметы, которые изготавливались и использовались членами общества, всегда определялись как «материальная культура» и рассматривались как составная часть культурной конфигурации. В данном случае вопрос в том, нужно ли рассматривать сами предметы как часть культуры или же содержание культурной конфигурации следует свести к психологическим элементам, которые соответствуют этим предметам. Иными словами, следует ли включать в культуру топор или же только представления членов общества о том, как он должен выглядеть и какими качествами обладать? Включение в культуру материальных объектов мешает тем исследователям, которые пытаются использовать понятие «культура» в определенных целях, но для тех, кто изучает личность, исключение материальной культуры было бы скорее потерей, чем выигрышем. Окружение, в котором формируется и действует индивид, всегда включает множество различных созданных человеком предметов, соприкосновение с которыми оказывает значительное влияние на развитие личности. Так, материальный аспект окружения может поощрять или подавлять развитие навыка пользоваться правой рукой или даже основные свойства личности, например, гордость или уверенность в себе. Ранний опыт ребенка, который растет в доме, набитом хрупкими безделушками или сложной аппаратурой, сильно отличается от опыта ребенка, живущего там, где он ничего не может сломать и ничто не может причинить ему вред. Даже наш обычай сидеть или лежать на приподнятой над полом мебели связан для ребенка с целым рядом опасностей, которых нет в обществах, где люди просто сидят или лежат на полу.

Слова «разделяются и передаются» еще больше ограничивают содержание культурной конфигурации. В данном случае слово «разделяются» означает, что та или иная модель поведения, точка зрения или знание характерны, по меньшей мере, для двух членов общества. Отсюда не сле-

дует никаких предположений о совместной деятельности или общем владении. Любое поведение, свойственное только одному члену общества, не считается частью общественной культуры. Однако индивидуальные особенности со временем могут стать ее частью. Обычно культурные новации предлагаются либо одним человеком, либо узкой группой людей. Новая техника плетения корзин не будет рассматриваться как часть культуры, пока ею владеет один человек. Когда же ее усвоят другие индивиды, она станет считаться таковой.

Чтобы лучше уяснить себе ограничения, наложенные этими факторами на содержание культуры, необходимо помнить, что культура — это континуум. Общность поведения, оправдывающую включение определенного элемента в культурную конфигурацию, следует рассматривать по отношению к социокультурному континууму, а не к существующей на данный момент культуре. Например, то, что в данном сообществе в 1943 г. практикует только один врач, не означает, что профессию врача не следует рассматривать как часть культуры сообщества. Обычно в этом сообществе в прошлом работали и в будущем будут работать другие врачи. Таким образом, здесь присутствует общность определенных видов знания и поведения во времени, даже если она отсутствует в данный момент. Тогда встает вопрос о том, нужно ли с самого начала включать в культуру те элементы индивидуального знания или поведения, которые впоследствии получают культурный статус.

Логически это правомерно, но поскольку положение этих элементов можно установить лишь ретроспективно и в момент возникновения они не функционируют как элементы действующей культурной конфигурации общества, эта проблема имеет чисто академический интерес.

Термин «разделяются» нуждается в дальнейшем уточнении. Он не подразумевает, что элементы, которые следует считать частью культурной конфигурации, должны разделяться всеми членами общества либо во времени, либо в какой-либо определенный момент. В самом деле, нельзя назвать ни одного элемента культуры, который на протяжении всего существования общества принимался бы всеми его членами. Культуры меняются и развиваются, утрачивая в ходе истории одни элементы и приобретая другие. В результате содержание и модели культуры, которая существует достаточно долго и подвергается серьезным испытаниям, могут претерпеть значительные изменения. Так, в мире есть немало мест, где современное население, согласно антропологическим свидетельствам, представляет прямых потомков тех, кто жил там еще во времена неолита, причем их культурная и социальная традиция никогда не прерывалась; однако жизнь потомков почти ничем не напоминает жизнь пред-

ков. В любой социокультурной конфигурации, если рассматривать ее в какой-либо определенный момент времени, не существует элементов, общих для всех членов общества. Элементы, которых придерживаются все взрослые, отвергаются детьми, а в большинстве случаев многие идеи и занятия взрослых разделяются только членами определенных групп, например, мужчинами, женщинами или представителями одной профессии. Тем не менее, эти особые элементы культуры следует считать составными частями культурной конфигурации. Они согласуются с другими элементами той же конфигурации и способствуют стабильности общества в целом.

Термин «передаются» также требует некоторого объяснения. Чтобы разделять элементы поведения, необходимо передавать их от одного индивида к другому посредством обучения и подражания. Эти процессы протекают во времени, и большинство элементов культурной конфигурации, которые передаются от поколения к поколению, сохраняются значительно дольше, чем может продолжаться жизнь любого члена общества. С точки зрения индивида, культура общества, в котором он воспитывался, представляет его социальное, в отличие от биологического, наследие. Оно помогает ему адаптироваться к окружению, в котором приходится жить и действовать. Виды адаптации, присутствующие в моделях поведения, были выработаны прежними членами общества на собственном опыте и переданы потомкам в процессе обучения. Они позволяют успешнее приспособиться к окружающей среде, избавляя от необходимости проходить через порой болезненный опыт. Преемственность поведенческой адаптации во многом осуществляется параллельно структурной и физической адаптации, приобретенной предками в ходе мутаций и естественного отбора. Так, в негритянских обществах Западной Африки культурная техника добывания пищи в джунглях, выработанная предшествующими поколениями, осваивается индивидом через обучение. А иммунитет к малярии, также выработанный прошлыми поколениями, передается по наследству. И то, и другое необходимо для выживания в местных условиях. Из последующего обсуждения станет ясно, что понятие «культуры» охватывает явления, по меньшей мере, трех порядков: материальные, то есть предметы производства; кинетические, так как открытое поведение всегда включает движение; психологические, то есть знания, взгляды и ценности, разделяемые членами общества. Для наших целей явления первых двух порядков могут быть рассмотрены как явный аспект культуры; явления третьего, психологического, порядка составляют скрытый аспект культуры. Оба эти аспекта одинаково реальны и важны для понимания человеческого поведения, но они ставят пе-

ред исследователем разные проблемы. Явный аспект любой культуры конкретен и осязаем. Он поддается прямому наблюдению и регистрации, вдобавок, любое заключение о нем легко проверить с помощью таких механизмов, как кинокамера и фотоаппарат. Ошибки в этой области продиктованы несовершенством методов наблюдения и могут быть легко устранены.

Регистрация фактов скрытой культуры представляет проблему совсем иного рода. Этот аспект затрагивает психологические состояния, о природе и даже о наличии которых можно судить лишь на основе вызванного ими явного поведения. Обнаружение скрытых моделей культуры весьма напоминает выявление содержания и структуры человеческой личности, и источник ошибок в этой области тот же. Хотя мы наблюдаем постоянное совершенствование техники объективных исследований психологических явлений, оценка отдельной личности по-прежнему остается достаточно субъективной. Когда же мы пытаемся дать такую оценку членам целого общества или даже отдельной группе, вероятность ошибки значительно возрастает.

Антропологи редко обладают навыками использования более тонкой и точной техники психологического тестирования, но, даже владея этой техникой, они способны применить ее лишь к незначительной части представителей общества. Ученые обычно лишены возможности правильно отобрать исследуемых. Те люди, с которыми они вступают в контакт, — не просто единицы статистической таблицы, а живые существа, реакция которых в ходе проведения исследования бывает столь же разнообразной, как и в нашем обществе. Поскольку испытуемые совершенно не понимают, зачем нужны предлагаемые им тесты, их труднее уговорить принять участие в эксперименте. Поэтому в исследованиях участвуют только (1) те, кто близок к исследователю и уступает уговорам, руководствуясь дружескими чувствами, и (2) те, кто вследствие низкого экономического уровня соблазняется мелкими подачками, которые обычно предлагаются в подобных случаях. Таким образом, происходит реальный, хотя и бессознательный отбор субъектов, ведущий к определенным погрешностям, если ученый пытается отнести полученные результаты к обществу в целом.

В случае длительных контактов и близкого знакомства, необходимых для неформальных суждений о личности, фактор отбора приобретает еще большее значение. Находясь в чужом обществе, ученый устанавливает тесные дружеские отношения лишь с незначительным числом аборигенов. Кем они окажутся, зависит от особенностей характера и интересов обеих сторон. Исследователь может завязать действительно близ-

кие отношения лишь с теми, кто покажется ему доброжелательным и на кого он произведет такое же впечатление. В «примитивных» обществах я сам нередко сталкивался с людьми, которые скептически относились ко всему сверхъестественному, но было бы грубой ошибкой считать подобное мнение общим для всех или только для данных обществ. Исключить потенциальный источник ошибок возможно лишь тогда, когда каждое общество изучают несколько человек. Они должны работать независимо друг от друга и как можно больше отличаться друг от друга лично.

Отмеченные выше трудности не означают, что получить ясную картину латентной культуры любого общества невозможно. Просто не следует забывать о существующих сложностях и не принимать выводы одного наблюдателя за последнее слово в этой области. Исследователь личности, пытающийся воспользоваться этнографическими отчетами, должен понимать, что утверждения о трусости, жадности или равнодушии к детям у членов того или иного общества включают элементы выборочного знакомства и субъективности суждения, которых лишены утверждения, что члены общества кладут детей в колыбель, делают деревянную посуду или танцуют при полной луне.

Для тех, кто занимается исследованием личности, можно отметить еще одно существенное различие между скрытой и явной культурой. Культура передается именно в явном ее аспекте. Психологические состояния, составляющие скрытую культуру, сами по себе не передаются. Другие индивиды, будь то сторонний наблюдатель или же младшие члены того же общества, узнают о наличии подобных состояний только через явное поведение, в котором эти состояния проявляются. Именно контакт с явной культурой и последующий опыт рождают у каждого индивида общие психологические состояния, образующие скрытую культуру. Он начинает разделять культурные модели своего общества, например, испытывать страх перед некоторыми безобидными предметами, скажем, человеческим черепом, потому что другие члены общества в его присутствии проявляют страх или говорят ему, что это страшно. Точно так же он усваивает культурные модели общества, в соответствии с которыми придает особую ценность некоторым целям, наблюдая, как другие члены общества стремятся к ним.

Теперь, я надеюсь, стало ясно, что именно понимает под культурой антрополог, и какие явления он включает в это понятие. Используя понятие культуры в своих исследованиях, антропологи порой допускают ошибки. Так, даже в дескриптивных исследованиях они не проводят различия между культурами как существующими во времени и как существующими в данный момент, хотя эти два аспекта понятия культуры ста-

вят различные проблемы и требуют различного подхода. Для тех, кто изучает культурные процессы, помнить об этом еще важнее, чем для психологов. Последним нужно сосредоточиться лишь на коротком отрезке культурного континуума, равном продолжительности жизни индивида. Однако нежелание многих антропологов четко различать в культуре те условия, которые имеются на данный момент, и те, что сохранились лишь в памяти стариков, создает дополнительные трудности для психологов, пользующихся их отчетами. Очевидно, что описание племенной культуры, в котором не проводится различие между моделями прошлого и настоящего, не может служить основой для изучения личности членов племени.

Еще важнее для психолога учитывать упорное нежелание антропологов четко различать реальность культуры как конфигурации поведения, и те построения, которые он сам создает на основе этой реальности, используя их для описания фактов культуры и работы с этими фактами. Отсутствие терминологии, помогающей четко разграничить эти два аспекта понятия культуры, стало источником постоянных затруднений не только для психологов и антропологов, но и для логиков и философов. Чтобы внести ясность, я взял на себя смелость предложить термины «реальная культура» и «культурный конструкт», четко определив значение каждого.

Реальная культура любого общества состоит из фактически существующего поведения ее членов. Она охватывает множество элементов, среди которых нет двух одинаковых. Реакция двух людей на данный стимул никогда не бывает совершенно тождественной, даже один и тот же человек в разное время реагирует на один и тот же стимул по-разному. Каждый элемент поведения в чем-то отличается от любого другого. К тому же двух совершенно одинаковых стимулов не бывает. Однако индивид способен вырабатывать успешное и более или менее автоматическое приспособление к окружающей среде, несмотря на присущую ей изменчивость. Он обобщает стимулы определенного вида, соединяя их по признаку сходства и игнорируя различия. Например, школьник знает, что звонок, прозвучавший в классе, означает конец урока, и игнорирует незначительные ежедневные различия в тоне и продолжительности сигнала. И хотя его реакция никогда не бывает совершенно одинаковой, все равно она будет достаточно похожей. Переходя от отдельного человека к группам людей, знания и опыт которых имеют общее происхождение, мы обнаруживаем сходную ситуацию.

Если вернуться к примеру со школой, то все ученики, услышав звонок, начнут готовиться покинуть класс. Хотя их личные приготовления будут отличаться в деталях, они останутся в пределах узкой шкалы вариантов. Так, школьники наверняка закроют тетради и соберут вещи,

но вряд ли начнут снимать одежду или обувь. Отсюда следует, что многочисленные элементы поведения, составляющие реальную культуру, можно классифицировать на основе вызывающих их ситуаций. Каждая ситуация связана с определенными группами поведения, имеющими множество общих черт. Более того, колебания внутри этих групп обычно остаются в определенных, легко устанавливаемых пределах. Эти пределы обуславливаются чисто практическими соображениями. Так, круглые корзины можно плести только несколькими способами. Вдобавок, эти способы устанавливаются с помощью общественного одобрения. В каждом обществе имеется определенная общепризнанная техника вступления в брак или обращения к высшему лицу с ходатайством. В любом случае поведение, выходящее за привычные рамки, просто не приносит желаемых результатов. Этот факт молчаливо признается самими членами общества. Поведение, относящееся к сфере эффективности, считается нормальным, а выходящее за нее – странным или даже достойным осуждения.

Подобную область нормальных реакций на определенную ситуацию можно считать моделью реальной культуры. И наоборот, реальную культуру можно рассматривать как конфигурацию огромного множества таких моделей, которые в большей или меньшей степени приспособлены друг к другу и функционально взаимосвязаны. Важно помнить, что каждая модель реальной культуры – это не один элемент поведения, а группа элементов, варьирующихся в определенных пределах.

В любой реальной культуре вариативность поведения представляет серьезную проблему даже на уровне простого описания. Описать все элементы поведения, составляющие культуру, невозможно. Даже типы поведения, образующие нормальную реакцию членов общества на каждую ситуацию, сложно привести в полном объеме. Чтобы представить ясную картину любой культуры или использовать культурные данные, исследователь должен создать культурный конструкт. Он устанавливает образец в ограниченной группе вариантов, из которых состоит любая модель реальной культуры, а затем использует этот образец как символ модели реальной культуры. Так, если исследователь обнаруживает, что члены данного общества обычно ложатся спать приблизительно с восьми до десяти часов вечера, но четверть десятого – образец для группы этих вариантов, он скажет, что лечь спать в четверть десятого – одна из моделей этой культуры. Такой модальный дериват можно назвать моделью конструкта культуры. Конструкт всей культуры строится из различных моделей конструкта культуры, созданных подобным образом. Он относится к реальной культуре почти так же, как модели конструкта к реальным мо-

делям. Хотя конструкт культуры не может точно соответствовать реальной культуре, он дает лаконичное, достаточное приближение к условиям реальной культуры. Опыт свидетельствует о том, что на основе таких конструктов можно не только изучать структуру реальных культур и взаимосвязь их моделей, но и с высокой степенью вероятности предсказывать поведение членов общества в различных ситуациях. Культурные конструкты — это лишь средства исследования, но без них невозможно обойтись. Их создание оправдано целесообразностью.

Итак, реальная культура охватывает всю совокупность общего, усвоенного через обучение поведения членов общества. Модель реальной культуры представляет собой ограниченную область поведения, в которую обычно входят реакции членов общества на определенную ситуацию. Разные люди могут вести себя по-разному и все же действовать в соответствии с моделью реальной культуры. Модель конструкта культуры соответствует образцу вариантов модели реальной культуры. Ясно осознавая эти различия, легко устранить множество трудностей, возникающих при сопоставлении индивидуального опыта и поведения с фактами культуры, представленными в форме конструктов.

Совершенно очевидно, что модели конструктов культуры оказываются весьма полезными при рассмотрении условий, влияющих на развитие индивида в любом обществе. Все люди обычно развиваются и действуют как члены организованных, совместно проживающих групп. Отсюда следует, что окружение, с которым взаимодействует человек, состоит главным образом из других людей и созданных ими предметов. В первую очередь это относится к ранним фазам жизненного цикла, когда закладываются основы развития личности. Забота взрослых ставит преграду между ребенком и естественным окружением. Маленький эскимос, находясь внутри материнской парки, не чувствует арктического холода. Ранний опыт человека большей частью формируется под влиянием поведения других людей. Это поведение может быть направлено на ребенка, как, например, техника ухода за детьми или реакция взрослых на его поведение. Оно может быть направлено и на достижение стоящих перед ребенком целей, побуждать его наблюдать за поведением взрослых и подражать ему. В любом случае поведение окружающих дает ребенку опыт, на основе которого он вырабатывает собственные модели поведения. Так, в нашем обществе недовольство, которое взрослые демонстрируют ребенку, когда он ест руками, вскоре побуждает его отказаться от этой привычки, а наблюдения за тем, как взрослые берут джем или открывают коробку с печеньем, знакомят его с моделью поведения, которую он впоследствии может использовать даже наедине с собой.

Долговременное воздействие на формирование личности обычно оказывают повторяющиеся события. Хотя редкие драматические эпизоды могут травмировать личность, в основе ее развития, как и большинства других, более прямых форм обучения, лежит повторение определенных стимулов, за которыми следует адекватная реакция. В обычных условиях общественной жизни большинство внешних стимулов, на которые реагирует ребенок, исходит от окружающих. Хотя их поведение в тех или иных случаях никогда не бывает одинаковым, его варианты почти всегда принадлежат к одной из тех ограниченных сфер поведения, которые, как говорилось выше, образуют модель реальной культуры. К тому же между образцом поведения, которое меняется в пределах этой сферы, и опытом, который индивид извлекает из контактов с людьми, действующими в этой сфере, то есть в рамках модели реальной культуры, существует тесная связь. Иными словами, в определенной модели культуры варианты меняющегося поведения действуют на индивида подобно так называемым конвергентным феноменам в физике. Их различия со временем имеют тенденцию сходиться на нет, поэтому их совокупное воздействие на формирование личности почти не отличается от того, которое возникает в результате повторения единственного элемента поведения, служащего образцом в этой сфере, составляющей культурную модель. Так, опыт второго завтрака, съедаемого между двенадцатью и часом дня, но чаще в половине первого, почти не будет отличаться от опыта, при котором завтрак всегда подается в половине первого.

Это не означает, что результаты контакта с определенной моделью реальной культуры будут одинаковыми для всех индивидов. Об этом свидетельствует множество фактов. На опыт, извлекаемый любым человеком из участия в любой ситуации, влияет не только сама ситуация, но и потенциальные возможности и восприятие индивида. Модель культуры, в которой от мальчика требуется держать дровяной ящик полным, связана с одним видом опыта у сильного, активного ребенка и другим — у слабого и болезненного. «Цыган у дверей» — означает одно для ребенка, которому сказали, что цыгане крадут детей, и совершенно другое для того, кто не знаком с этим образчиком фольклора. Даже когда внешнюю ситуацию можно считать постоянной, ее воздействие на разных людей будет меняться в зависимости от индивидуальных факторов!

Поскольку культурный конструкт есть совокупность всех образцов различных моделей, составляющих реальную культуру, а образец каждой модели тесно связан с тем видом опыта, который индивиды приобретают от контактов с ним, то конструкт культуры можно использовать для того, чтобы определить социокультурное окружение, под воздействием

которого складывается опыт членов любого общества. Хотя в обществе все его члены не могут непосредственно участвовать во всех моделях культуры, все они вступают в контакт со множеством этих моделей. При исследовании формирования личности эти модели, представленные в структуре культуры, можно рассматривать как константы. Они служат однородным фоном для изучения и сравнения меняющихся реакций и конфигураций личности членов общества. Установление такого стабильного критерия оказывает большую помощь в исследовании личности.

Отношение культурных моделей к опыту, присущему членам данного общества, можно понять на следующем примере. Предположим, в обществе существует модель кормить детей, когда они плачут, и не кормить, когда не плачут. С учетом вариантов этой культурной модели, порожденных требованиями повседневной жизни, можно быть уверенным, что не всех членов этого общества кормили всякий раз, когда они плакали. Однако все они получали еду почти всегда, когда плакали, и не получали, когда не плакали. В результате все они имели полную возможность прибегать к плачу как к первой реакции, ведущей к удовлетворению потребности в пище. Несмотря на все переменные факторы, включенные в действие культурной модели, и на индивидуальные отличия, их опыт должен иметь много общего. В этом отношении все члены данного общества будут походить друг на друга гораздо больше, чем на членов любого другого общества, в котором, согласно культурной модели, детей кормят строго по расписанию, а плач либо игнорируется, либо наказывается.

Значение культурных конструктов в изучении личности не ограничивается обобщением социокультурной среды, в которой живут все члены общества. Модели, входящие в конструкт, используются и при определении индивидуальных качеств личности. Каждая модель конструкта представляет собой образец меняющегося поведения группы индивидов по отношению к определенной ситуации. По нашим наблюдениям, хотя меняющееся поведение любого индивида в связи с этой ситуацией всегда остается в пределах модели реальной культуры, оно почти никогда не демонстрирует модель в полном объеме. Оно соответствует определенному ее сегменту, и индивидуальный образец поведения внутри этого сегмента *S* может значительно отличаться от образца культурной модели в целом. Различие между индивидуальным образцом и моделью конструкта культуры будет отражать компромисс между культурными моделями общества и личными склонностями индивида.

Индивидуальные отклонения, пока они присутствуют лишь в нескольких моделях культуры, не имеют большого значения для выявления свойств личности. Так, если модель предписывает часто делать до-

рогие подарки тестю, а кто-то старается свести их к минимуму, то это может означать просто неприязнь к тестю или желание разорвать брак. Однако, если образцы индивидуального поведения постоянно демонстрируют отклонение от значительного числа моделей культурных конструктов, напрашивается вывод, что эти отклонения отражают особенности характера. Если вышеупомянутый человек пренебрегает своими обязанностями не только по отношению к тестю, но и в большинстве случаев, требующих расходов, можно с уверенностью сказать, что он скуп. В действительности мы все постоянно, хотя и бессознательно, используем фактор отклонения от образца культурной модели в повседневных суждениях о характере других людей. Мы не выражаем нормы поведения в терминах культурных моделей, но знаем, что они существуют, и, оценивая окружающих, легко распознаем отклонения от них.

В заключение упомянем еще одно свойство ситуации, связанной с моделями культуры. Кроме моделей реальной культуры и моделей культурного конструкта, построенных на основе наблюдений исследователя за поведением членов общества, во всех культурах существуют так называемые идеальные модели. Это абстракции, созданные самими членами общества. Они представляют собой общее мнение членов общества о том, как следует вести себя в определенных ситуациях. Подобные идеальные модели развиты в разных обществах неодинаково. Некоторые группы лучше осознают факт существования культуры и более склонны к обобщениям различных форм поведения. Однако ни одна группа никогда не вырабатывает идеальных моделей поведения на каждый случай жизни. Даже в наиболее склонных к анализу и осознающих существование культуры общества исследователь то и дело сталкивается с информаторами, которые совершенно не способны сказать, как следует поступить в данной ситуации, а вместо этого рассказывают, что происходило тогда, когда данная ситуация возникла. Это отсутствие идеальных моделей особенно удивляет, так как сопоставление подобных рассказов обычно выявляет реальную культурную модель с отчетливо проступающими вариантами. В основном идеальные модели вырабатываются для тех ситуаций, которые считаются в обществе особо важными, в частности, для ситуаций, включающих взаимодействие индивидов в различных отношениях в данной общественной системе.

Идеальные модели, как правило, не согласуются с моделями конструкта, который ученый создает на основе наблюдений за действительным поведением. В одних случаях это несовпадение отражает неспособность идеальной модели поспевать за реальностями меняющейся культуры. Она опирается скорее на воспоминания о прошлом, чем на наблю-

дения за настоящим. В других случаях идеальная модель, возможно, никогда и не соответствовала образцу модели реальной культуры. Она представляет собой нечто желаемое, ценность, которую не так уж часто приходится наблюдать в реальной жизни. Так или иначе, идеальные модели оказывают нормативное влияние, препятствуя чрезмерному отклонению от принятых стандартов. Но если идеальные модели становятся слишком жесткими и тщательно вербализируются, они постепенно утрачивают свою силу, начинают существовать сами по себе и вместо того, чтобы давать представление об адекватном ответе на определенную ситуацию, сами становятся таким ответом на данный вопрос. Наша идеальная модель «Маленькие дети с любовью относятся друг к другу» сохраняется в виде вербальной реакции вопреки личным воспоминаниям и каждодневным наблюдениям обратного. Подобные вербализации сами служат моделями реальной культуры, однако, принадлежат к области литературы и свидетельствуют о действительном поведении членов общества не больше, чем другие виды фольклора. Тот, кто пытается описывать культуру, должен проводить четкое различие между культурными конструктами, построенными на основе наблюдения, и идеальными моделями культуры, которые в словесной форме передали ему члены общества, независимо от их намерений.

Читатели, чей интерес преимущественно находится в сфере психологии личности, возможно, сочтут, что анализу понятия культуры уделено слишком много внимания. Многие из сказанного, по-видимому, не имеет большого значения для исследований, ведущихся в пределах нашего общества и культуры. Границы нормального поведения у нас так хорошо известны и отклонения от них так легко распознать, что нет нужды их обобщать или концептуализировать. Однако за пределами этой относительно узкой области исследователю необходимо иметь четкое представление о культуре.

Перевод Н.Г. Кротовской